

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

1986

*К восьмидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

ЗНАКОМЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ, ИЛИ КТО СТОИТ ЗА КРИПТОНИМОМ?

15 апреля 1850 года в столичной газете «Санкт-Петербургские ведомости» (№ 86, с. 345—347) в ее подвальной, или, как тогда говорили, фельетонной, части под рубрикой «Библиография» за подписью М. Т. появилась рецензия на первый печатный труд бакалавра Казанской духовной академии Алексея Александровича Бобровникова «Грамматика монгольско-калмыцкого языка» (Казань, в Унив. типографии, 1849. VIII+400 с. в 8-ю д. л.). В ней говорилось:

«Имя монголов приобрело себе грозную известность со времен Чингисхана: в продолжение многих лет после Легницкой битвы Европа тревожилась отдаленным эхом этого имени и, чтоб ближе узнать опасного врага, отправляла в Среднюю Азию наблюдательных послов. Но до Чингисхана поколение монгол в числе многих других, кочевавших в Средней Азии, было незаметно, и, может быть, если б не явился в фамилии Борджигинов (родовое прозвание Чингисхановой фамилии) этот герой-законодатель, монголы остались столь же незаметными в истории, как и хонкираты, найманы, керейты, джалаиры и прочие племена, исчисляемые подробно мусульманским историком монголов Рашид-Эдином. По свидетельству одного европейского ориенталиста [*Schott. Ältesten Nachrichten von Mongolen und Tataren. Berlin, 1846, S. 9*], народ монг-у упоминается в китайских летописях в первый раз в истории династии Тан (618—907): конечно, как ближайшия соседи, китайцы не пропустили бы без внимания монгольскую нацию, если бы она раньше существовала самобытно и была бы многочисленна. Да и самое неведение русских летописцев имени монгол при первой встрече орд Чингисхановых с нашими войсками подтверждает ту истину, что поколение монгол приобрело себе имя и известность уже при преемниках Чингиса, а до того времени представителем этого несколько незвучного имени служило незначительное кочевое племя. Соединив под свои знамена несколько родственных или чуждых между собою племен и слив их в одну империю, Чингисхан и его преемники прикрыли это добровольное или насильственное соединение

общим именем монгол, именем того племени, к которому принадлежали сами. Факт весьма замечательный, но нимало не подверженный сомнению: ничтожное по отношению к огромному пространству покоренных стран племя господствует от Восточного океана до берегов Адриатики!

В общей истории человеческого рода монголы занимают пока незавидное и притом тесное место: явившиеся, как метеор, из родных степей на короткое время в Европу, оставившие после себя разрушительный след, не принявшие заметного участия в общем развитии образования и сохранившие кочевую жизнь своей родины, монголы скорей замечательны с отрицательной стороны в успехах гражданственности. Но для русской истории монголы, два века господствовавшие над Русью, составляют достойный изучения предмет, тем более что еще до появления монголов на Калке Русское государство находилось то в дружественных, то в неприязненных отношениях со многими тюркскими племенами, приходящимися в близком родстве монголам. Но исторический путь изучения бывших повелителей России пока темен: хотя мы уже имеем Д'Оссонову „Histoire des Mongols“, Шмидтову „Geschichte des Ost-Mongolen“, Гаммерову „Geschichte der Golden Horde“, Иакинфову „Историю четырех ханов“ и проч., однако лучший без всякого сомнения исторический источник о монголах — Рашид-Эддинова летопись „Собрание хроник“ доныне вполне неизвестна, да и многочисленные сочинения, указанные С.-Петербургской Академией наук для истории монголов, еще не просмотрены критически. Остается пока издавать источники монгольской истории и изучать живой народ.

В этом последнем отношении русские ориенталисты оказали ученому миру незабвенные услуги: по части этнографико-исторической мы имеем труды Палласа, Тимковского, о. Иакинфа. Шмидта и других, а по филологии монгольской изданы в России впервые и доныне единственные пособия к изучению монголо-калмыцкого языка: академика Шмидта, монгольская грамматика (на немецком и русском языках), его же монголо-немецко-русский и русско-немецко-монгольский словарь, профессора Ковалевского — грамматика книжного монгольского языка, монгольская хрестоматия и монголо-французско-русский словарь и профессора Попова — грамматика калмыцкого языка и монгольская хрестоматия.

При таких обильных пособиях, по-видимому, издание новых руководств к изучению монгольского слова должно бы казаться излишним или по крайней мере неуместною роскошью, но это только кажущееся излишество: занимавшемуся монгольским языком неудобства или недостатки изданных пособий, при неотъемлемых и даже блестящих достоинствах их, обнаруживаются по внимательном наблюдении. Так, все грамматики монгольского языка грешат тем, что они излагают лишь правила книжного языка и притом пригнанные в европейскую рамку; г. Попов впал еще в неизвинительную погрешность — изобретши калмыцкий

язык, который на деле не существует, а существует лишь калмыцкое наречие, не говоря о многих других недостатках его труда. [Изданная в одно время с грамматикой г. Попова, Калмыцкая грамматика Иеллиха в ученом отношении стоит несомненно выше, но труд русского профессора превосходит с практической стороны. — Кроме этих грамматик была еще объявлена: *Grammaire raisonnée de la langue mongole, par Roehrig, 1 vol., in 8°*, но объявление не осуществилось.] Относительно монгольских словарей также можно заметить пренебрежение в них живой речи нынешнего народа монгольского: словарь г. Шмидта, несмотря на свою неполноту, для вседневного употребления превосходит и удобен и в этом отношении стоит гораздо выше словаря г. Ковалевского. Словарь последнего ученого, приложившего все старания и труды многих лет для того, чтобы сделать свое издание возможно полным, не достигает своей цели по многим причинам: во-первых, кочевой быт народа не довольно заметен в этом словаре, потому что автор, скажем еще раз, обращал внимание лишь на книжный язык, отчего словарь и вышел далеко не полон; во-вторых, г. Ковалевский не обратил никакого внимания на долгие слоги в монгольском языке, отчего впал в погрешности, перемешав значение некоторых слов и даже корней; иностранца же, незнакомого с языком, отсутствие указаний на долгие слоги ставит в большое затруднение; в-третьих, значение иных слов не сходится с толкованием в монгольской хрестоматии того же автора, так что читатель остается в недоумении — чему верить?; в-четвертых, взявшись за сравнение монгольских слов с тюркскими, автор выпустил из внимания больше половины корней сходных и притом иногда в словах первой надобности, что при филологических сравнениях весьма важно; в-пятых, и может быть не в последних, автор увеличил совершенно бесполезно свой труд до трех огромных томов и сделал его непригодным к употреблению как по величине книг, так и по дороговизне: при большей экономии на ненужные слова и на печать словарь г. Ковалевского много-много составил бы один такой том, каких он выдал три. Ненужными словами мы считаем этот странный в ученом словаре набор синонимов, на который автор не поскупился при каждом слове и от которого коренное значение только затемняется и пропадает, прибавление повсюду производных глагольных форм, которых значение очень ясно видно в корне, и наконец, прибавление ненужных тибетских, санскритских или китайских слов. Последние ввел в моду покойный Клапрот, и, конечно, такая многосторонняя ученость может показаться изумительной тому, кто не знает китайских пятизначных словарей: в настоящее время эта метода истинно ученому не прилична. Типографскою роскошью мы считаем перпендикулярную постановку монгольских слов, отчего на листах образовались огромные пробелы, что в ученых сочинениях, особенно в учебниках, совершенно излишне. Мы позволили себе все эти замечания, притом только поверхностные, потому что от ученого профессора Ковалевского мы вправе ожи-

дать труда совершеннейшего, особенно же при существовании словаря г. Шмидга. Проведя много лет в Монголии и еще более того лет занимая с честью кафедру монгольского языка, трудясь издавна над составлением монгольского словаря, профессор Ковалевский мог дать ему больше обработки, тем более что настоятельной потребности в другом монгольском словаре не чувствовалось.

Язык монгольско-калмыцкий, принадлежа к отдельному монголо-тюркскому семейству, имеет многие весьма важные особенности в сравнении с нашими европейскими языками: эти особенности проходят через всю его систему начиная от сочетания звуков до образования слов и соединения периодов. Правда, при единстве законов мысли человеческой и в органах ее — разнообразных языках — должны отражаться некоторые общие черты: так во всяком языке есть имена, глаголы, склонения, спряжения и т. д., но в монгольско-калмыцком языке и эти общие черты проникнуты духом своей системы, имеют свое отличное значение. Поэтому-то применение европейской, или, лучше сказать, индо-германской грамматической системы к этому языку, представляющее с первого взгляда много удобств и употреблявшееся до сих пор монголологами, имеет тот важный и существенный недостаток, что насильственно пригоняет язык в мерку, нисколько ему не свойственную, ограничивается только частностями языка, не обнимая целой его системы, и сообщает ложный взгляд на логику языка, взгляд, который, как предассудок, закрывает густым мраком истинное значение форм и законов монгольской речи.

Эти, а может быть, и свои собственные причины побудили г. Бобровникова обработать „Граматику монгольско-калмыцкого языка“ совершенно по новой системе, отчего труд из-под пера его вышел совершенно не похожим ни на одну из своих предшественниц. Предмет его грамматики — монгольско-калмыцкий язык, как живой, правильный и даже красивый орган думы кочевого жителя необозримых степей Средней Азии: метода приложения вполне приноровлена к предмету и, следовательно, естественно и строго систематична. Можно сказать, что перед пронизательностью анализа г. Бобровникова спал покров Изида с монгольско-калмыцкого языка.

Короткий очерк Граматики г. Бобровникова дает понятие о составе ее, отличительных свойствах и неотъемлемых достоинствах.

Прежде всего она рассуждает о письме и чтении. Не ограничиваясь кратким указанием, что такая-то монгольско-калмыцкая буква произносится подобно такой-то русской, автор подробно объясняет произношение букв как в отдельности одна от другой, так и во взаимной связи, или законы сочетания звуков.

В монголо-тюркской системе существует чуждый другим языкам закон сингармонизма, или взаимного соотношения мягких и твердых букв, как гласных, так и согласных, вследствие кото-

рого основная в слове буква или звук определяет присутствие мягких или твердых звуков.

Чудный закон, европейскому духу непостижимый! При определении его г. Бобровников поместил довольно обширное и совершенно новое исследование о гортанных данных, представляемых древними памятниками квадратной письменности, наш молодой ориенталист дошел до определения, что гортанные сокращаемые в древнем, ныне только в книгах оставшемся монгольском языке слоги суть не что иное, как искусственное выражение долгих гласных. Так как у калмыков существует знак долгого звука *удан*, то им и нет надобности удерживать в письме книжно-монгольские гортанные слоги. Таким образом, эта внешняя разница между монгольским и калмыцким письмом, которая, подобно миражу, даже по 1849 год манила взоры некоторых ориенталистов не существующим, будто бы особенным калмыцким языком, исчезла перед строгим анализом, а 1850 год радостно встречен двумя братьями, дружно слившимися в один монгольско-калмыцкий язык.

Этимология г. Бобровникова подводит все слова монгольской речи только под три класса вместо прежних восьми: имена, глаголы и частицы. Перемены, совершающиеся в именах и глаголах, указаны с возможною полнотою и отчетливостью и основаны на предшествовавшем исследовании о сингармонизме. Новая терминология падежей и глагольных форм, приноровленная к самому значению их, коротко, но метко указывает на это значение.

Объяснение форм заключается в синтаксисе. В этой превосходно обработанной части своей грамматики автор совершенно последовательно восходит от меньшего к большему, от простого к сложному; для филолога, столь же жадного к познанию законов выражения человеческой мысли в слове, как ботаник к определению целых семейств в растительном царстве, монгольско-калмыцкий синтаксис г. Бобровникова откроет весьма много любопытного, да не мешало бы и составителям русских грамматик обратить внимание на упорный и всеразлагающий анализ молодого русского ориенталиста. Между прочим, филолог не без интереса для себя заметит, что у монголов нет относительных местоимений и союзов, — яснее сказать, нет наших способов соединения предложений, а между тем взаимные отношения периодов существуют и для монгола. Этот гордый узел соотечественники Чингисхана разрешают очень просто, но вместе с тем замысловато и даже изящно, посредством своей конструкции, и желающих познакомиться с этой тайной мы приглашаем прочесть синтаксис в Грамматике г. Бобровникова.

Чтобы несколько познакомить читателя с методой автора, мы предлагаем на выдержку следующую часть объяснения повествовательных форм речи:

„568. Формами повествовательными описывается то, что является в последовательной связи как происшествие.

Три повествовательные формы назначены для выражения того, как смотрит на обстоятельства своего рассказа повествующий и как эти обстоятельства относятся к слушающему.

569. Первая повествовательная форма показывает, что говорящий рассказывает спокойно, смотри на обстоятельства своего рассказа как на нить действий, последовательно и естественно одно за другим совершавшихся, без особенных нечаянностей, и как на события, равно неизвестные слушателю и делающие на него равные впечатления“ (с. 346).

„575. Вторая повествовательная форма употребляется при изложении такого обстоятельства, которое предполагается уже известным слушающему, или когда говорящий не рассказывает как новость, а только напоминает уже известное“ (с. 350).

„583. Третья повествовательная форма имеет значение, противоположное предыдущей: первоначальным значением этой формы должно признать нечаянность“ (с. 356).

„592. Рассказчик спокойный и хладнокровный редко употребляет вторую и третью повествовательную форму. Но если говорящий говорит тоном учителя, хочет придать авторитет своим словам, желает, чтобы они принимались слушателем как непререкаемые истины или аксиомы, он поминутно употребляет вторую повествовательную форму. Если же говорящий ожидает от речи своей эффектов, хочет, чтобы та или другая мысль его, то или другое рассказанное им обстоятельство поражило его слушателя как неслыханная новость или как нечто очень удивительное или замечательное, он поминутно употребляет третью повествовательную форму. Таким образом, в языке священном очень часто употребляется вторая повествовательная форма, в языке сказок, где цель рассказчика — занимать и удивлять слушателя, почти исключительно употребляется третья повествовательная форма“ (с. 364—365).

В быстром изложении характеристики книги г-на Бобровникова мы ограничились лишь указанием на самые выпуклые части его труда: по этим указаниям легко составить себе идею о прекрасном сочинении, обогатившем ученую русскую литературу. Мы не сомневаемся, что книга г-на Бобровникова перейдет и на другой европейский язык, где будет занимать не менее почетное место. Конечно, в некоторых случаях можно спорить и даже иногда не соглашаться с результатами анализа в Грамматике г. Бобровникова, но порицать их решительно невозможно.

Что если бы г. Бобровников взял на себя осуществление выказанного нами в начале статьи предложения о новом монгольско-калмыцком словаре уютного и общедоступного издания?.. Это был бы истинно дорогой подарок ориенталистам!»

Историкам восточного спектра отечественного языкознания было бы трудно решить вполне определенно вопрос: что стоит за криптонимом М. Т.? Однако на этот раз вопрос атрибуции рецензии поддается сравнительно легкому и совершенно однозначному решению, для чего достаточно в н и м а т е л ь н о

проследить историю создания Грамматики и представления на соискание премий. Подчеркиваем, внимательно и не предвзято.

Заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Государственного педагогического института им. Доржи Банзарова профессор А. А. Белоусов, зная о дружбе Алексея Бобровникова (ок. 1822—1865) и Доржи Банзарова (1822—1855), предположил, что за упомянутым выше криптонимом скрылся не кто иной, как Банзаров. Он пишет в статье о якобы новонайденной рецензии Доржи Банзарова,¹ о том, что, когда Грамматика Алексея Бобровникова была представлена в Императорскую Академию наук для присуждения Демидовской премии, то выяснилось, что «не все ориенталисты Казани и Петербурга доброжелательно отнеслись к Грамматике молодого ученого-лингвиста», что «востоковеды не сразу решились на столь высокую оценку и признание труда доселе никому не известного бакалавра, выступившего с первой печатной работой, не получившей еще признания практиков», и что «в течение нескольких месяцев учебник А. Бобровникова обсуждался в узком кругу ориенталистов без какого-либо участия повременной прессы». Безучастное отношение столичной прессы к Грамматике, полагал автор, «осложняет положительное решение о присуждении Демидовской премии».² Для вящей убедительности А. А. Белоусов привел в заключение крохотный отрывок из обширных воспоминаний Н. И. Ильминского (1822—1892) об Алексее Александровиче Бобровникове:³

«Бобровников, при Банзарове и мне, разговорился о награде, почему она доселе не выходит.

— Знаешь ли, сказал он, обращаясь к Банзарову, — отчего? Наше начальство, не имея само возможности оценить мою Грамматику, ждет о ней отзыва в журналах. Послушай, Банзаров, напиши рецензию.

Банзаров ответил: я напишу обширную критику, твой труд заслуживает обстоятельного рассмотрения».⁴

Эти слова первого бурятского ученого-востоковеда показали А. А. Белоусову достаточным основанием для безоговорочного отнесения рецензии бобровниковской Грамматики в «Санкт-петербургских ведомостях» от 15 апреля 1850 г. с «обширной критикой» перу Доржи Банзарова; однако остро-полевическая направленность рецензии, честная и нелицеприятная оценка трудов известных монголистов-предшественников понудила-де Банзарова укрыться за загадочной криптограммой, т. е. , по Белоусову, М. Т. раскрывается как Доржи Банзаров. Так ли это?

Для предложенной атрибуции рецензии нет решительно никаких оснований. История написания, награждения и публикации Грамматики Алексея Бобровникова, равно как и обстоятельства появления упомянутой рецензии на нее в повременной печати, живописно представленные на суд современников и в издании потомкам его однокашником, единомышленником, со-

ветчиком и первым читателем Н. И. Ильминским (заметим в скобках: автор и советчик в первое время и жили-то в одной квартире), навязывают совершенно иное решение, вполне логичное, правдоподобное и отражающее различные этапы создания Грамматики и все последующие перипетии.

Так, когда ректор академии после долгого ожидания получил 21 мая 1848 г. законченную вчерне Грамматику — «толстую пачку исписанной и перечеркнутой бумаги»,⁵ он сразу же назначил самого лучшего письмоводителя академии для переписки ее, а для каллиграфического вписывания многочисленных монгольских и калмыцких примеров привлек ученого ламу Галсана Гомбоева (1822—1863). В итоге, пишет Ильминский, «вышла щегольская и увесистая рукопись в формате писчего листа.

При официальной бумаге отправил ее ректор к профессору Ковалевскому для предварительного рассмотрения. Он продержал Грамматику около двух месяцев и возвратил с весьма лестным для автора отзывом о его сочинении. Указав некоторые недостатки, профессор Ковалевский писал: „но эти недостатки выкупаются блистательными достоинствами всего сочинения, хорошо обдуманного, разрешившего много спорных доселе вопросов. Поэтому автор, по моему мнению, приобрел полное право на внимание и поощрение со стороны просвещенного своего начальства, а его добросовестный труд, если будет напечатан, должен почитаться драгоценным подарком для восточной филологии“.

В Петербурге, куда представили Грамматику с отзывом о ней г. Ковалевского, она пролежала тоже несколько месяцев. Во весь этот промежуток Бобровников продолжал делать исследования о различных частях своего труда < . . > и вновь набирал факты для более точной обработки. Когда вышло разрешение печатать Грамматику и Бобровникову поручена была корректура ее, то не многие страницы первой редакции попали в типографский станок. Бобровников решился почти все переделать заново. Нужно было притом поспевать за наборщиком < . . > И так снова почти целый год, пока печаталась Грамматика, прошел для Бобровникова в непрерывной работе < . . > Он страшно измучился от умственного напряжения и беготни. Он говорил мне, что < . . > уже не может работать, так устал.

Нужно было отдохнуть и, для оживления сил, пожуировать. А между тем награда, которую ректор усердно ходатайствовал автору у высшего начальства, не выходила. Бобровников скучал. Почти каждый день Бобровников виделся с Банзаровым, которому он впервые раскрыл законы его родного языка. Вот раз — это было в начале великого поста — Бобровников, при Банзарове и мне, разговорился о награде, почему она доселе не выходит. — Знаешь ли, говорит он, обращаясь к Банзарову, отчего? — Отчего? — Наше начальство, не имея само возможность оценить мою Грамматику, ждет о ней отзыва в журналах. Послушай, Банзаров, напиши рецензию. — Банзаров говорит: я напишу обширную критику, твой труд заслуживает обстоятельного

рассмотрения. — Да ты, говорит Бобровников, долго провозишься с критикой; ты напиши просто, что вот-де Грамматика Бобровникова больно хороша; в том удостоверяю, Банзаров. Имя твое важно, твоему голословному заявлению поверят. — При этом я, в шутку, обещал написать рецензию, не зная по-монгольски. И напал на меня такой стих, — за один присест в тот вечер я написал рецензию < . . . > не развертывая Грамматики. Но дело в том, что, когда Бобровников писал свою Грамматику, он < . . . > передавал мне результаты своих исследований и даже поручал мне иногда наблюдать в татарском языке, по близкому его родству с монгольским, предполагавшиеся у него правила. Я и изложил существенную характеристику его сочинения, разумеется, в тоне одобрительном, как оно, впрочем, вполне заслуживало. Я писал от имени Банзарова, и даже среди рецензии сделал такое лирическое замечание: „читатель да не упрекнет меня за то, что моя рецензия переходит в тон панегирика; в разбираемой книге я впервые нашел достойную оценку моего прекрасного родного языка“. Я написал, запечатал в конверт и оставил в квартире Бобровникова. Эта рецензия была напечатана в фельетоне „СПб ведомостей“, — и оказалось, что один приятель Банзарова, которому тот передал ее для препровождения в газету, прибавил к ней обширное предисловие, в котором зацепил профессора Попова, разругал известный лексикон профессора Ковалевского, мое вышеупомянутое лирическое место вычеркнул и вместо имени Банзарова подписал две псевдонимные буквы М. Т.»⁶

Таким образом, привлечение более широкого контекста убедительно свидетельствует, что за криптонимом стоит вовсе не Банзаров, как в этом пытается убедить нас А. А. Белоусов, а Н. И. Ильминский и «один приятель Банзарова», которым оказался⁷ профессор И. Н. Березин (1818—1896), решивший посредством перекройки рецензии свести какие-то давние счеы с знаменитым монголистом О. М. Ковалевским (1801—1878).⁸

Указания А. А. Белоусова на то, что не все ориенталисты Казани и Петербурга доброжелательно отнеслись к Грамматике молодого ученого-лингвиста, что слишком долго вопрос обсуждался в узком кругу ориенталистов без какого-либо участия повременной прессы, как и горячее стремление увидеть в Банзарове ходатая за «остронуждающегося бакалавра» с целью исплотать ему Демидовскую премию, обнаруживают неполный учет всей совокупности обстоятельств, связанных с премированием Грамматики.

Н. И. Ильминский в своих «Воспоминаниях» отнюдь не случайно говорит о награде и премии: было и то, и другое, причем в обоих случаях решающее слово принадлежало одному и тому же лицу — профессору Казанского университета О. М. Ковалевскому, который в первом случае давал предварительный отзыв на рукопись и адресовался к просвещенному начальству автора Грамматики, т. е., попросту, к святейшему Синоду. Последний своим определением от 15 ноября 1848 г. разрешил печатание

и сделал правлению духовной академии запрос о том, какой награды заслуживает автор за совершенный им труд, на что правление ответило, что «почитает Бобровникова заслуживающим награды не менее 1500 руб. серебром или возведения в звание экстраординарного профессора с полным профессорским жалованием в 715 руб. в год».⁹ 30 декабря 1849 г. правление повторило ходатайство, и высшее «просвещенное начальство» решило выдать автору «в награду и поощрение» 1200 рублей серебром и 50 экземпляров Грамматики «за занятия по корректуре».¹⁰ Радость академической корпорации была беспредельной — в течение трех дней она «светло праздновала такой торжественный выход в свет первого и действительно замечательного ученого труда, явившегося из-под пера одного из ее питомцев».¹¹

К концу 1849 г. все 1200 экземпляров Грамматики были напечатаны, и в 1850 г. Бобровников представил свой труд в Академию наук на соискание Демидовской премии. Тут-то и сыграла свою роковую роль злополучная рецензия от 15 апреля 1850 г., написанная Н. И. Ильминским и «усовершенствованная» И. Н. Березиным: березинская перекройка «оскорбила профессора Ковалевского; он заподозрил в составлении рецензии самого Бобровникова».¹² Академика Я. И. Шмидта «не было уже в живых [ум. 27 авг. 1847], и единственным, заслуженным авторитетом по монгольской части был казанский профессор Ковалевский: Грамматику Бобровникова Академия поручила рассмотреть ему».¹³

На этот раз чувствительно оскорбленный рецензент дал — в марте 1851 г. — предназначенный для печати весьма подробный, но довольно сдержанный отзыв,¹⁴ в котором, между прочим, указал на недостаток материалов, бывших в руках автора, на то, что некоторые его положения или предположения нуждаются вследствие этого в серьезной проверке и т. д., но тем не менее воздал должное его трудолюбию и наблюдательности и заключил разбор знаменательными словами: «Знатоки и теперь с удовольствием прочитают некоторые статьи его, напр., о долгих гласных < . . >, о способах отыскивать корни слов, о значении многих наращений, определительно им объясненных, о разделении имен < . . > Равным образом достойны полного одобрения некоторые синтаксические правила, как руководство к более точному употреблению слов в разных формах. Словом, Грамматика г. Бобровникова, по моему разумению, плод самостоятельных изысканий, труд добросовестный, заслуживает поощрения со стороны Академии наук при раздаче Демидовских премий».¹⁵

К чести Бобровникова следует напомнить, что он «как не принял никаких мер для предупреждения такого отзыва, так по отпечатании отзыва не написал ничего в свою защиту, представив благодушно дело воле божьей».¹⁶

Надо думать, что после такого сдержанного отзыва взыскательного рецензента трудно пришлось бы соискателю премии, если бы репутация Грамматики не опередила самую книгу, «по-

тому что, пока она печаталась, Банзаров посылал по листу академику О. Н. Бётлингку [1815—1904], который в то время работал над Якутской грамматикой и потому имел случай обстоятельно узнать достоинства Грамматики Бобровникова сравнительно с другими книгами того же рода». ¹⁷ Другой академик-лингвист, П. С. Билярский (1817—1867), переводчик В. Гумбольдта, «думал, что Бобровников отлично изучил немецкую филологию и разные отрасли восточных языков, особенно монгольского и тюрко-татарских, и крайне изумился, узнав, что кроме монголо-калмыцкого, он не изучал ни одного из восточных языков, не знал также вовсе и немецкого языка». ¹⁸ Таким образом, круг ориенталистов-лингвистов, вовлеченных в обсуждение грамматического сочинения Бобровникова, был довольно широк и состоял из знаменитых ученых, прославивших русскую науку в самых разных областях. Не всякий грамматист-дебютант может рассчитывать на таких компетентных судей-заступников из казанцев и петербуржцев, которые — будь они собраны вместе — составили бы настоящий ареопаг лингвистов-востоковедов на зависть всем Европам!

Как бы то ни было, Академия наук присудила Бобровникову вторую премию в 714 рублей серебром, и это было воистину праздником молодой отечественной монголистики.

Выяснив роль Н. И. Ильминского, О. М. Ковалевского, И. Н. Березина, Галсана Гомбёва, академиков О. Н. Бётлингка и П. С. Билярского в создании и оценке Грамматики, зададимся вопросом: ну, а какую роль сыграл в рецензировании Грамматики Доржи Банзаров, закадычный друг А. А. Бобровникова? Ответим кратко: от самостоятельного рецензирования он уклонился. Но при этом он приложил немало усилий, чтобы подвинуть на это дело маститого востоковеда профессора В. В. Григорьева (1816—1881) и даже сделал для него своеобразную заготовку в виде длинного письма от 2 февраля 1850 г., сравнивая Грамматику Бобровникова с Грамматикой калмыцкого языка А. В. Попова (1808—?) и демонстрируя на конкретных примерах преимущество сочинения Бобровникова. Однако различные обстоятельства помешали В. В. Григорьеву своевременно откликнуться на призыв даровитого бурята, хотя он сам всегда высоко ценил Бобровникова, видя в нем одну из блистательнейших надежд русского востоковедения. Правда, когда Алексей Александрович Бобровников, постигнутый служебными невзгодами и в обстановке крайней нищеты, скончался 8 (20) марта 1865 г. в Оренбургском военном госпитале, то В. В. Григорьев, дорожа памятью ученого, вернул долг с лихвой, подготовив к изданию его исследование о памятниках монгольского квадратного письма ¹⁹ и исходатайствовав у Русского Археологического общества гонорар в 400 рублей для бедствующего семейства покойного.

Напомним в заключение, что письмо Доржи Банзарова к В. В. Григорьеву недавно опубликовано казахским историком

В. Галиевым, и теперь этот своеобразный памятник безуспешного заступничества доступен обозрению и изучению.²⁰ Между прочим, Доржи Банзаров выложил, кажется, всю аргументацию в пользу Бобровникова и, полный дурных предчувствий в связи с предстоявшим ему отъездом в Сибирь, молил Григорьева об одном: «Только прошу вас, не вводите меня в это дело»,²¹ что совершенно недвусмысленно свидетельствует о его искреннем желании остаться в стороне от разгоравшихся страстей: «письмо не предназначалось в печать».²² Воздадим должное доброму сердцу бескорыстного друга Алексея Александровича Бобровникова . . .

Выходит, стало быть, что за криптонимом скрылись знакомые незнакомцы — Н. И. Ильминский и И. Н. Березин.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Белоусов А. А. Неизвестная рецензия Доржи Банзарова. — Байкал, Улан-Удэ, 1979, № 1, с. 98—102.

² Там же, с. 98.

³ Ильминский Н. И. Воспоминания об Алексее Александровиче Бобровникове. — Учен. зап. Казанск. ун-та. 1865, т. 1, с. 417—450.

⁴ Белоусов А. А. Неизвестная рецензия Доржи Банзарова, с. 98—99.

⁵ Ильминский Н. И. Воспоминания об Алексее Александровиче Бобровникове, с. 440.

⁶ Там же, с. 440—442.

⁷ См., например: *Знаменский И. В.* История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842—1870 годы). Вып. 2. Казань, 1892, с. 341; *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1898, т. 4, отд. 1, с. 26; *Масанов С. А.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 2. Алфавитный указатель псевдонимов. К.—П. М., 1957, с. 154.

⁸ Н. И. Ильминский и другие участники дела о награждении бобровниковской Грамматики именуяют рецензента — блестящего и разностороннего ученого-монголиста — попросту профессором, по имени-отчеству или же официально господину Ковалевским. Во всем этом просматриваются более или менее удачные попытки смягчить травму, нанесенную ученому кассированием выборов его в академики. Дело в том, что императорская Академия наук в знак признания его заслуг перед наукой и в надежде на тесное сотрудничество с ним избрала его 4 декабря 1847 года ординарным академиком по части восточной словесности («с дозволением < . . . > оставаться в Казани впредь до выслуги эмеритуры»), а злопамятный Николай I не утвердил этого избрания: он не мог простить заслуженному ученому его участия в виленском «Обществе филаретов», во главе которого стоял Адам Мицкевич. См.: Академия наук СССР. Персональный состав. Кн. 1. 1724—1917. М., 1974, с. 55; *Шамов Г. Ф.* Научная деятельность О. М. Ковалевского в Казанском университете. — В кн.: Очерки по истории русского востоковедения. М., 1956, сб. 2, с. 127, 176, 179 и т. д.

⁹ *Знаменский И. В.* История Казанской духовной академии. . . , вып. 2, с. 340.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Ср.: *Ильминский Н. И.* Воспоминания. . . , с. 442—443.

¹² *Ильминский Н. И.* Воспоминания. . . , с. 442.

¹³ Там же, с. 443.

¹⁴ *Ковалевский О. М.* Разбор Грамматики монгольско-калмыцкого языка, изданной г. Бобровниковым. — В кн.: Двадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1851, с. 160—176. То же в кратком изложении см.: ЖМНП, 1851, ч. 71, отд. III, с. 11—14.

¹⁵ *Ковалевский О. М.* Разбор Грамматики. . . , с. 176. — *Н. И. Ильминский* (Воспоминания. . . , с. 443—444) не согласился с критикой строгого рецензента и оспорил многие положения отзыва, в особенности слова о «смелости предположений», о теории монгольских форм, значении суффиксов и т. д.

¹⁶ *Ильминский Н. И.* Воспоминания. . . , с. 443.

¹⁷ Там же. Отметим, что уважительное отношение акад. О. Бётлингка к А. А. Бобровникову запечатлено и в грамматической части «О языке якутов», см. например: «. . . как учит нас Бобровников» (с. 146), «. . . так ясно это правило выражено только у Бобровникова» (с. 156, прим. 172) и др.

¹⁸ *Знаменский Н. В.* История Казанской духовной академии. . . , вып. 2, с. 341—342; *Виноградов А. А.* Воспоминания о Казанской духовной академии, относящиеся к 1852—1856 годам. Ректора, инспектора и профессора. — Иркутск. еп. вед., 1890, № 11, с. 4.

¹⁹ См.: Памятники монгольского квадратного письма, объясненные А. А. Бобровниковым, с дополнениями В. В. Григорьева. СПб., 1871, 90 с. в 8-ю д. л.

²⁰ *Галиев В. З.* Неопубликованные письма Доржи Бавзарова. — Байкал, 1972, № 3, с. 132—135.

²¹ Там же, с. 135.

²² Там же, с. 127.